

Одна жизнь Матвея Филлиповича

Алексей Квашнин

18+

Алексей Квашнин

Одна жизнь Матвея Филипповича

«Автор»

2023

Квашнин А. В.

Одна жизнь Матвея Филлиповича / А. В. Квашнин — «Автор»,
2023

Кто такой Матвей Филиппович? Герой, трус или обычный человек? Много ли у него было шансов что-то исправить или он всегда шел по накатанной? Трус умирает миллион раз, а герой? Чтоб найти ответы на все эти вопросы нужно обратиться к первоисточнику - узнать что об этом думает сам автор.

Алексей Квашнин

Одна жизнь Матвея Филлиповича

«Все мы лишь люди...».

Григорий Квашнин

«...это моё место под солнцем, и я его никому не уступлю!»

Юрий Быков, кинорежиссёр

ВСТУПЛЕНИЕ

– Хочешь сломать меня?! Хрен ты меня сломаешь!!! – обращался к серому хмурому небу молодой мужчина с заметным старым шрамом на левой брови. Небо злобно молчало в ответ, изредка посылая на лобовое стекло черного ржавого «Форда» одинокие снежинки. Лысые покрышки скользили по замёрзшим колеям, временами пробуксовывая, издавая мерзкий жужжащий свист. Повидавший виды хетч бросало из стороны в сторону, на ямах стучала разбитая ходовая часть. За затянутыми инеем боковыми стеклами авто проплывали желтые хрущёвки – многочисленные одноликие братья-близнецы, самые распространенные представители спального района мегаполиса. Над их крышами торжественно возвышалась огромная красная труба ТЭЦ, из которой, затягивая небо непроглядной пеленой, валил клубами коричневого дыма – такой, будто в печи вместо угля сжигали людей, как в фашистском концлагере.

2020 год выдался тяжелым почти для всех жителей планеты за редкими счастливыми исключениями. Эпидемия коронавируса, лопнувшая экономика стран, безработица и безденежье – все эти навалившиеся беды не обошли и Максима. В феврале он переболел ковидом, провалявшись месяц в больнице с облупленными стенами и отвратительной едой (безвкусыными кашами из крупы и воды, без соли и запаха), задыхаясь и сгорая от высокой температуры. Для кошелька мужчины месяц на больничном не прошел бесследно – компания, в которой он трудился, оплатила ему этот месяц по минимуму. В апреле после продолжительной болезни умер лучший друг Максима. Это был сильнейший удар для парня. С Костей он дружил, сколько себя помнил, любил его как родного брата. После, в июне, из-за разбушевавшейся в стране эпидемии в городе объявили карантин, закрыв все общественные заведения и разогнав людей по домам на самоизоляцию. Максима на работе вежливо попросили пойти в отпуск за свой счёт на неопределенный срок – вытолкнули на улицу без денег, даже не заплатив за уже отработанный месяц. Молодого мужчину сначала рассмешила эта ситуация, удивившая своей новизной и нелепостью, но когда он вернулся домой с пустым кошельком и без понятия, где ему эти проклятые деньги заработать, а там увидел грустную жену, тоже вышедшую в «голый» отпуск, – ему стало не до смеха. В течение последующих двух месяцев Максим судорожно перебирал разные места работы, пробуя все, что попадалось под руку. Даже на стройке успел потрудиться, но нигде не удавалось задержаться (в большинстве случаев обманывали по зарплате). А чёртовы деньги тем временем таяли на глазах, семейный бюджет затрещал по швам, начались скандалы с женой. И паника. Но в критический момент случилось чудо, спасшее пустой холодильник Максима: правительство, видя, как экономика страны несется с бешеной скоростью, словно горящий поезд, прямо в пропасть, неожиданно решило снять карантин. Мужчину позвали на прежнюю работу, жизнь стала немного налаживаться, тем не менее уже добавив седых волос на голове Макса – так ему представлялось, сам он не видел. Но все эти несчастья меркли в сравнении с одной, самой главной, давней проблемой Максима – он был трусом. С самого детства.

В далёком 1993 году Макс был еще ребенком – маленьким застенчивым мальчиком, который всех стеснялся и боялся. Именно тогда жизнь столкнула его с первым настоящим испытанием, с первым врагом. Это случилось летом, одним тёплым солнечным днём под добрую песню-шелест зеленых листьев – казалось, ничто не сможет это омрачить. Наглый и самодо-

вольный хулиган из соседнего двора, ровесник Максима, отобрал у него новенький велосипед, даже не применив силу. Всё произошло на улице, в проулке за гаражами, куда заехал милый и ничего не подозревающий мальчик с заметным шрамом на левой брови. Максим спрыгнул с велосипеда посмотреть, не спустило ли колесо. В этот момент, словно из-под земли, перед парнишкой вырос наглый оболтус. Хулиган схватил сильной рукой руль велика и потянул к себе, прошипев сквозь зубы:

– Да-а-й сюда...

Волна испуга захлестнула Максима. Опешивший, он покорно отошёл в сторону, отпустив своего желанного, блестящего новизной, серого железного коня. Сквозь дикий страх, сотрясавший всё тело и разбудивший кишечник, мальчик слышал в голове еле различимый шепот: «Ты должен постоять за себя! Не бойся его! Ударь! Это совсем не страшно, как тебе кажется! Это твой велик, не отдавай его!!!». Но ужас, сковавший мальчишку, не позволил ему даже рот открыть. Молча, со слезами, катившимися по щекам, он наблюдал, как уезжает прочь его мечта, несколько секунд назад милым журавлём лежавшая в руках. Дёргая за самую больную струну души, бликовал на солнце красный катафот, прикрепленный на заднем крыле велосипеда. Максимка закрыл лицо руками, разрыдался и поплёлся домой. После дождя слёз появилось отчётливое чувство злости на самого себя за собственную ничтожность. Это была схватка с жизнью, которую он проиграл. И после многих лет Максим уверился, что тот случай стал точкой невозврата, с которой линия его жизни пошла по другому пути – трусливому и жалкому. С момента первого боя Максиму попадались немало обидчиков, и он всем спускал. Боялся, отворачивался, уходил в сторону. Парнишка мечтал перебороть себя, сломать свой страх, но с каждым проигрышем взять себя в руки и победить становилось всё труднее.

Вот и сегодня, управляя потрёпанным «Фордом», Максим злился на себя, посылая тысячи проклятий всему окружающему миру, по-прежнему не находя в себе сил ответить врагам. А их было много. С утра в центре города его машину забрали на штрафстоянку. Уверенный в своей невиновности, подверженный приступу гнева, в этом году зачистившему, Макс шёл по улице, матерясь вслух, не обращая внимания на оглядывавшихся прохожих и обещая поубивать ненавистных гаишников. Забрав авто и вернувшись в офис компании по доставке еды, мужчина выслушал критику от коллеги и, сжав кулаки, проглотил все претензии к качеству своей работы. Затем, отправившись в следующую точку в городе, Максим столкнулся с наглецом, подрезавшим его на дороге. Вне себя от ярости, сигнала и моргая фарами, он догнал обидчика, но когда увидел в окне здорового кричащего качка, обещающего разбить ему лицо, снова испугался и отстал. Через минуту внезапный страх сменился дикой злобой к врагу и к самому себе за очередное поражение. Макс скорчил лицо от ненависти, застучал кулаками по рулю и громко, до хрипа, закричал:

– Я убью тебя, тварь!!! Иди сюда, я тебе нож в глаз воткну, мразь!!!

Выпустив пар, парень отдышался и успокоился. Вдруг что-то щёлкнуло в его голове. И с этого момента прежнего трусливого и обиженного Максима не стало. Что-то умерло в нём, издав последний стон. Дальше по городу поехал другой человек – спокойный и весёлый, но в его мёртвых глазах отражалось лишь холодное зло. Парень открыл окно, закурил – хотя раньше никогда этого не делал в салоне – сильно и уверенно вдавил в пол педаль газа. Выдохнув дым в окно, он включил на полную громкость магнитофон. Воздух в салоне разорвался от мощного гитарного риффа. Заиграла любимая песня Максима группы Papa Roach – Maniac. Водитель, улыбаясь, стал подпевать: «...somebody, call a doctor, better call the doctor... 'cause I think I'm losing it...».

В теплом магазине на АЗС стояла очередь желающих заправить авто. Максим встал за остальными. Он не заметил крупного мужчину, стоявшего у полки с товаром и выбирающего лимонад. Здоровяк обернулся, увидел, что Максим занял его место в очереди, и заорал грубым голосом на весь зал:

– Ты чё, ох..л, что ли, бл..ь?! Без очереди лезешь, мудака!!!

Максим опешил, но только в первую секунду, ровно до того момента, как увидел лицо противника. Оно было омерзительным. Свинячьи наглые глаза тарасились на него с пропитой ряхи, опухшей и небритой. Вонючий рот с грязными зубами извергал проклятия, которых Макс уже не слышал. Парень кинулся на бузотёра с бешеными остервеневшими глазами, полными ярости, с криками: «Ах ты, п...!!! всю мою жизнь из-за таких, как ты...!!! Сволочь!!! Я убью тебя!!! Су-уу-ка-ааа!!!». Максим махал руками и ногами, толком не попадая по обидчику. Тот же от испуга отпрыгнул назад, запнулся о стенд с товарами и грохнулся на пол, обрушив банки с напитками. Свидетели конфликта растащили бойцов по разным углам. Макс вырвался из рук мужиков, хлопнул дверью. Взревел двигатель «Форда». Чёрный авто уехал с заправки, оставив клубы дыма.

Максим молча ехал несколько минут. На улице опускались сумерки. Снова полетел мелкий снег. Сердце парня гулко колотилось, руки дрожали. Проехав несколько километров, он успокоился, на смену перенапряжению вдруг пришло ощущение легкости и освобождения. Огромный груз, висевший столько лет, наконец-то был сброшен. Тихое счастье заполнило мужчину, а затем переросло в огромную, несказанную дикую радость. Автомобиль съехал на обочину. Водитель выскочил на улицу, запрыгал от переполнявших чувств, подняв руки со сжатыми кулаками. Он кричал:

– Я победил!!! Я победитель!!! Отныне и навсегда!!!

1

В маленькой сгорбленной деревушке Н., входящей в состав Смоленской губернии, 31 июля 1911 года от Рождества Христова с самого утра шел проливной дождь. Казалось, рассвет в тот день не настал, будто солнце взяло выходной, спрятавшись в своём большом тереме и закрыв наглухо резные ставни на окнах. Ливневые белые полосы плясали по черной земле то влево, то вправо, словно невидимый великан поливал огородную грядку из огромной лейки. Капли воды, выброшенные порывами ветра на скупые квадратные окна деревенской рубленой избы, размывали уличный пейзаж, смешивая серую грязь с зеленой травой, как расплывшуюся акварель. Ленивые сонные петухи не стали будить своими криками сельских жителей в это утро. Короли насеста затаились в теплом нутре хлевов, вжав в мощные оперенные шеи свои крошечные головы с красными покосившимися гребнями на макушке. Темное набухшее небо рыдало нескончаемыми струями соленых слёз, обрушивавшихся на грешную землю, не давая её обитателям высунуть нос из покосившихся бревенчатых домов. Лишь всеми забытая одинокая белая лошадь, оставленная в загоне, омываемая ручьями дождя, стекающими по лоснящемуся крупу, стояла, покорно приняв наказание Господне, молча хлопая задумчивыми лиловыми глазами.

Казалось, жизнь села Н. в этот день окончательно замерла. Но в одной из избушек на окраине деревни именно сегодня ждали появления на свет новой жизни – жизни Матвея Филипповича Нефёдова. Его отец, Филипп Артемьевич, обычный крестьянин, ходил по горнице в засаленной рубахе, опоясанной бичевой, из угла в угол темной комнаты и нервно трепал свою густую серую бороду. За стеной в спальне стонала его жена Прасковья. Подле нее сидела повитуха, давняя знакомая Нефёдовых, еще преисполненная сил, находящаяся в добром здравии старуха Агафья. Рядом с кроватью стоял ушат с горячей водой.

Схватки начались еще до рассвета и к обеду совершенно измученная, обессиленная Прасковья лежала в мокрой от собственного пота постели и тихонько молилась, время от времени вскрикивая от спазмов. Её черные длинные волосы распластались на белой подушке, словно корни дерева, опутавшие своей сетью почву.

– Господь всемогущий! Измучил душечку! Али не собираишься ты народиться уже на свет Божий?! Родителям на радость, на старость утешением... – бабка поднесла к побледневшим

губам женщины ковш с колодезной водой. Приподняла ей голову. Прасковья глотнула, кашлянула, вода потекла по подбородку. Женщина откинулась на подушку и заплакала.

– Сил моих больше нет, Агаша! Помру я через него! – слезы катились по белому красивому лицу.

– Чего говоришь-то! – старуха шуршала, кружась над ней. – Терпи, душечка, терпи, моя хорошая! Обнимешь скоро дитя своё, к груди прижмешь, так сердце от счастья и зайдётся! Знаю я про ту радость...

Разорвавший уже душу в клочья, Филипп вышел на крыльцо, трясущимися руками попытался свернуть самокрутку, но вдруг упал на колени и зарыдал, закрыв лицо руками. «Помоги, Господи! Пожалуйста, помоги! Господи, смилуйся...» – доносилось через всхлипывания из-под кучерявой бороды.

Вечерело. А дождь всё шел, шлёпая по грязи и разлетаясь брызгами в разные стороны. Из-за леса выплывали фиолетовые смерчевые тучи, обещая обратить весь белый свет в вечную тьму. Завыл диким зверем обезумевший ветер.

Поздно вечером, когда за окном опустилась чернота, хозяин дома услышал из спальной комнаты крик младенца. Мужчина снова не смог сдержать слез. А уже через несколько минут он сидел счастливый у кровати, держа на руках сына, завернутого в простынь, и целовал бледный лоб жены. Прасковья улыбалась ему, держала мужа за сильную шершавую ладонь. При тусклом свете керосиновой лампы в этой комнате тихо притаилось счастье. Новорожденный Матвей Филиппович Нефёдов после кормления спокойно спал, надув маленькие губки, спрятав глубоко под маленькими щелками серые невинные глаза. На кухне гремела котелками старуха Агафья. На улице стонала погода.

Ненастье продолжалось еще целую неделю. И однажды уставшее от бездействия желтое солнце всё же вышло на небо и разогнало хмурые дождевые облака.

2

Шёл год 1917-й. Весна. На светлой широкой улице ребятня играла в лапту. Палки вместо бит, мяч свернут из рваной грязной тряпки. Дети радостно кричали, бегали, толкались. Лишь один мальчик тенью стоял в стороне и грустно наблюдал за происходящим. Шестилетнего Матвея взрослые часто путали с девочкой из-за милого симпатичного личика, красивых голубых глаз (цвет изменился с серого на голубой, когда малышу исполнилось полтора года), мягких вьющихся русых волос. Мальчонка мялся неподалеку от сверстников, сильно злясь на себя: ему хотелось играть вместе со всеми, но страх проигрыша и стыд перед ребятами сковывали его кандалами. В какой-то момент тот из компании, что был повыше остальных и постарше на пару лет, обратил внимание на Матвея.

– Эй, ты! Чего стоишь там?! Иди к нам!

Мальчик с девчачьим лицом развернулся и побежал в сторону дома. Ребята засмеялись, а старший выкрикнул ему вслед:

– Зайчишка! Смотрите, как припустил! Зайчишка-трусишка! Мы будем тебя так окликать!

В слезах прибежал домой Матвейка, заскочил в прохладный полумрак избы. Родители были на кухне, пришли с полевых работ пообедать. Прасковья кружилась с котелками, кормила мужа. Филипп сидел хмурый и задумчивый. Он даже не сразу заметил сына. А мать наоборот, тут же бросилась к любимому чаду с расспросами, почему он плачет. Матвей всё ей рассказал, пожаловался на уличных задавак. Прасковья прижала сына к себе, стала целовать его макушку, вытерла ему слезы.

– Ну, ну, Матюша! Ну, не плачь! Плюнь ты на них! Говорила я тебе, сиди, играйся дома! Я так переживаю, что тебя обидят. Ты мой единственный долгожданный сыночек! – мать теперь заплакала сама.

Отец, с остекленевшим взглядом мертвеца, медленно жевал кусок серого хлеба. Он смотрел будто сквозь стены и деревню в какой-то параллельный мир. Вдруг произнес, словно самому себе:

– Не высовываться... Не высовываться. И всё обойдется. Главное – не высовываться...

З

– Не ходи из дома, Матюша! Страшная сторбленная старуха с длинным носом летает ночью над нашей деревней в своей ступе. Она размахивает черной метлой, смотрит вниз злыми желтыми глазами. Баба-яга ищет. Выслеживает тех маленьких ребятишек, которые гуляют по улице допоздна. А когда находит, похищает. Уносит в свою избушку на курьих ножках, что стоит в дремучем лесу. Там жарит малыша в печке и, громко смеясь, пугая ночных сов, обгладывает детские косточки. Если будешь гулять после захода солнца, Баба-яга тебя заберет! – мать укутывает сына одеялом. Гладит по голове. Целует в щеку.

– Я не буду гулять, мама...

Ночью мальчику снится жуткий сон. Будто сидит он днем в своей избе за столом, играет ложкой и горошинами в катапульту. Вдруг вдалеке за окном появляется черная точка. Она приближается, и ужас начинает разливаться по телу зайчишки-трусишки. Матвейка понимает, что это Баба-яга летит, чтобы похитить его и съесть. Мальчик забивается под лавку в самом дальнем углу комнаты. Смотрит в окно. Черной точки больше нет. Лишь голубое небо. Но зайчишка чувствует, что злобная старуха рядом, скорее всего, притаилась за окном. Внезапно деревянная дверь со скрипом начинает медленно открываться. Матвей слышит хрипящее сопение лесного чудовища. От ужаса его парализует: мальчик не может шевелиться и дышать...

Поздним осенним вечером, под светом керосиновой лампы, Прасковья сидела за прялкой. Филипп починял старые сапоги. Лежа на теплой печке, поглаживая кота Ваську, Матвейка из-за шторы наблюдал за родителями. Мать нежным голосом тихонько затянула песню:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.